

К.полит.н., н. с. СОИГСИ
Ф.Б. Мсоева

Аспирант
А.С. Лолаева

Проблемы суверенитета и федерализма в истории и праве России

Ф.Б. Мсоева, А.С. Лолаева

Государственный суверенитет возник с появлением первых государственных образований, а его теоретическое осмысление и научное определение – в конце средних веков.

Классическое определение суверенитета впервые было сформулировано французским философом Ж. Боденом в 1576г. В книге «Шесть книг о государстве» Ж. Боден писал, что власть как сплоченная сила всего общества должна быть независимой (суверенной)[1].

В основе его концепции суверенитета[1] лежит утверждение о том, что суверенитет неделим, он должен принадлежать только королю, которого сам Бог наделяет властью: «Тот, кто презирает своего суверенного господина, презирает Бога, так как господин есть образ Бога на земле»[1]. По его мнению, абсолютная власть означает, что суверен стоит выше законов как собственных, так и своих предшественников, он не связан волей других субъектов политического сообщества: народа, церкви, империи, других государств. Единство и неделимость суверенитета Боден связывал с принадлежностью власти только одному лицу или органу. По этой причине он отвергал смешанную форму государства. «Кому принадлежит право издавать общеобязательные правила поведения, имеющие верховную силу, – считал философ, – тот и является настоящим сувереном»[1].

Развивая традиции Ж. Бодена, представитель английской политической и философской мысли Т. Гоббс также подчеркивал неделимый и абсолютный характер государственной власти. Он решительно отвергал теорию разделения властей и попытки ее осуществления, так как это означало бы разделение суверенитета.

Проблему суверенитета рассматривал и известный французский просветитель XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, определяя его как неограниченную неделимую власть [2].

В России идея суверенитета государственной власти впервые была сформулирована в 1503г. волоцким игуменом Иосифом Саниным в сочинении «Просветитель». Он считал, что царская власть верховна и независима от властей не толь-

ко других государств, но и князей: «...право московского великого князя «самому», «своей рукой» держать государство» [3]. И. Санин отмечал, что «царь обладает всей полнотой верховной власти», подчеркивал, что «...он властью же подобен вышнему Богу»[3].

Суверенитет является одним из основных признаков государства и означает, во-первых, верховенство государственной власти внутри страны, во-вторых, независимость ее на международной арене.

На современном этапе разработаны концептуальные положения, которые касаются понимания государственного суверенитета, его соотношения с народным и национальным суверенитетами, признания невозможности абсолютного суверенитета. Понятия «государственный суверенитет», «народный суверенитет», «национальный суверенитет» не тождественны, но они тесно взаимосвязаны друг с другом, поэтому функционируют в единой системе. В суверенитете государства находит свое политическое и юридическое выражение полновластие господствующих кругов. Государственный суверенитет – это «...способность государства самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения норм международного права»[4].

В мире всегда существовали и существуют государства с формальным или ограниченным суверенитетом. Уже в начале XX в. появились суждения о том, что «власть каждого государства ограничена и обусловлена извне – зависимостью его от международного общения, изнутри – от разнообразных общений, из которых оно само складывается» [5].

Важно подчеркнуть, что суверенитет государства произведен от народного суверенитета. Народный суверенитет и государственный суверенитет тесно взаимосвязаны. Известный отечественный специалист Б.С. Крылов правильно отмечает: «Современная политическая мысль исходит из того, что государство может считаться суверенным только тогда, когда оно реализует волю народа и когда его система управления демократична»[4, С. 14].

Именно необходимость реализации свойств государственного суверенитета федерации в единстве с требованиями обеспечения развития России как федеративного демократического и правового государства предопределяет специфику разделения государственной конституционной модели современного российского федерализма. Если провести анализ круга предметов ведения федерации и полномочий федеральных органов государственной власти, которые установлены конституцией страны, то можно сделать вывод, что в основном они составляют вопросы, связанные с реализацией государственного суверенитета, обеспечивающего развитие России как правового демократического государства.

В мировой науке и конституционной практике сложились три подхода к проблеме государственного суверенитета федерации и ее субъектов: сочетание государственного суверенитета федерации и государственного суверенитета каждого субъекта; распределение государственного суверенитета по уровням управления в федерации, признание принадлежности государственного суверенитета только федерации. Первый подход связан с условиями формирования некоторых федеративных государств. В федерациях, которые основаны на союзе государств-членов, государственный суверенитет исторически может принадлежать и федерации, и каждому ее субъекту. Считается, что при объединении с другими субъектами федерации (государствами) субъект федерации (государство) не утрачивает суверенитет, а передает союзу только определенные полномочия. Такой союз (федерация) становится суверенным государством. Но это возможно только в том случае, если субъект федерации по конституции характеризуется как государство. Например, таким образом создавался СССР, где конституционно признавалось, что суверенитет принадлежит и Союзу, и составляющим его союзным республикам. На самом деле союзные республики советского государства, объявленные по Конституции СССР 1936г. суверенными, полным государственным суверенитетом не обладали.

В гуманитарной науке существует спорная точка зрения о том, что государства, вошедшие в федерацию, сохраняют определенный объем власти, но утрачивают суверенитет. Субъекты федерации либо добровольно утрачивают его при объединении в результате создания нового государства, либо изначально им не обладали (при создании федерации «сверху»). Не может быть государства в государстве. В федеративном государстве принципиально не может быть двух или более суверенитетов, и даже частичного или ограниченного. Суверенитетом обладает только федерация в целом. П. Лабанд, В. Уиллоуби, Г. Еллинек также убеждены в том, что суверенитетом обладает только федерация в целом. По мнению Лабанда, «каждое государство – член феде-

рации обладает суверенитетом, но оно совместно с другими образует федеративный суверенитет. При этом государственный характер членов федерации заключается не в суверенитете, а в праве властвования»[6]. Согласно Лабанду, сущность суверенной государственности проявляется в том, что международное право блокируется соответствующим государственным правом. Субъектом же международного права может быть только рамочное государство, а отдельные его субъекты не обладают даже ограниченной международной правосубъектностью. Однако соучаствовать в международных отношениях федерации они могут. Далее он указывает на то, что в настоящей федерации «суверенная власть принадлежит совокупности государств-участников»[7].

Обращаясь к проблеме суверенитета, Г. Еллинек указывал на то, что федерация обладает лишь «мягким суверенитетом», т.е. имеет формально-юридический приоритет как субъект первичной и исключительной правотворческой инициативы. Это означает, что в области законотворчества Федерация принимает лишь учредительные и рамочные нормы. В области же управления федерация обладает только «латентным суверенитетом», т.е. она должна воздерживаться от администрирования. Федеральное управление (из Центра) возможно лишь в рамках общегосударственных задач.

В качестве суверенного юридического лица федерация утверждается как исключительный носитель международно-правового конституитета, т.е. федерация признает свое тождество со всеми историческими формами своего существования[8].

Дореволюционный русский исследователь А.С. Яценко отмечал, что сущность теории федерализма заключается в необходимости самостоятельной организации государственной власти субъектов федерации вместе с центральной властью союза (федерации), каждый из которых должен иметь свой предмет ведения и свои полномочия. И только сложив то и другое, можно создать суверенитет федеративного государства и, следовательно, само федеративное государство. «Так как штаты, входя в состав федерального государства, теряют свой суверенитет, – пишет он, – то, само собой разумеется, они перестают и быть государствами, так как, по определению государства, суверенитет есть существенный признак государства. Государство только там, где имеется налицо суверенитет, следовательно, государственным характером обладает только федеральное государство, образуемое из соединения центральной и местной власти»[9].

Основной принцип федерализма о том, что субъекты федераций не суверенны, нашел свое воплощение в мировой практике. Так, например, в США, Канаде, Австралии этот факт подтвержден решением федеральных высших судов. В

конституциях более чем двадцати федеративных государств о суверенитете своих составных частей практически не упоминается. Только две конституции – Швейцарии и Мексики формально признают суверенитет за субъектами федераций, но лишь в той мере, в которой он не ограничен федеральной конституцией. Например, Конституция Швейцарии 1999 г. устанавливает, что кантоны суверенны, поскольку их суверенитет не ограничен федеральной конституцией (ст. 3.). В Конституции Мексики 1917 г. говорится о суверенитете штатов, свободных и суверенных во всем, что относится к их внутренним делам (ст. 40). А Конституция Эфиопии 1994 г. содержит положение о том, что суверенитет принадлежит нациям, народностям и национальностям Эфиопии (ст. 8), но о государственном суверенитете штатов в ней не говорится [10].

Полемика вокруг правового статуса субъектов федерации, особенно в части их государственности, суверенности и международной правосубъектности, не утихает, особенно в Российской Федерации. Это, прежде всего, связано с тем, что в понятие «государственный суверенитет» многими отечественными специалистами и лидерами общественных и национальных движений вкладывается самое различное содержание, вплоть до возможности выхода отдельных «суверенных субъектов» Российской Федерации из ее состава.

Речь идет о попытках обоснования тезиса об абсолютности и неделимости государственного суверенитета. Другими словами – либо суверенитет есть у государства во всей его полноте, либо вообще его нет. Например, известные специалисты по федерализму А.Н. Аринин и Г.В. Марченко, анализируя мировой опыт федеративного строительства, одним из основных признаков федерации называют «отсутствие суверенитета у составных частей федерации» [11]. При этом они особо подчеркивают, что «искусственное, механическое перенесение чужого опыта, формирование тех или иных сторон сложного и длительного процесса строительства подлинного федерализма – правового демократического государства, в котором гражданское общество само управляет, вряд ли может принести позитивные результаты» [12].

Почти на таких же позициях стоит профессор И.А. Умнова, которая пишет, что «государственный суверенитет не может быть разделенным, делятся лишь права федерации и ее составных частей» [13]. И далее она утверждает, что «приобретение государственного суверенитета субъектом федерации означает переход на конфедеративные отношения с бывшей федерацией при сохранении политических связей» [13]. Она указывает на то, что «новой федеральной конституционной моделью установлено: не может быть никакого делегирования суверенитета снизу вверх путем договора, так как все основные

вопросы разделения государственной власти определены конституционно» [13]. Однако существует и другая позиция, по которой у федерации нет единого и неделимого суверенитета. Такой суверенитет применителен только к унитарному государству. Так, например, П. Кинг пишет: «Если суверен должен, по определению, быть абсолютным, неограниченным, если он должен стать выше закона и т.д., демократическому государству, безусловно, будет сложно пройти тест на право называться суверенным. По крайней мере, это справедливо для тех стран, где считается, что «демократия» подразумевает распределение власти, участие граждан в ее управлении и верховенство законов» [14]. Другими словами, по П. Кингу, суверенитет федерации и суверенитет республик не абсолютны, а являются взаимосвязанными, сочетающимися суверенитетами, которые могут реализовываться, лишь учитывая интересы друг друга. Таким образом, суверенитет, или право управлять, распределяется (т.е. делится) между федеральным центром и субъектом федерации. Каждый уровень имеет собственные обязанности и компетенцию. Поэтому для Российской Федерации единственно разумным в дальнейшем ее развитии представляется, на мой взгляд, путь гармоничного сочетания суверенитета федерального центра и субъектов федерации.

Конечно, в России, с формально-юридической точки зрения, не может быть никаких суверенных политико-территориальных единиц. Но в Конституции Российской Федерации нет запрета относительно суверенитета республик. Государственный суверенитет присущ республикам в силу их государственного статуса, так как в ст.5 Конституции Российской Федерации республики определяются как государства. И в политической, и в юридической науке признается тот факт, что суверенитет является неотъемлемым признаком государства.

Профессор Б.А. Железнов писал по этому поводу: «Суверенитет сущностное, качественное свойство государства, подобно тому, как разум – сущностное свойство, качество человека. Проявления суверенитета, как и проявления разума, могут быть ограничены теми или иными обстоятельствами. Например, суверенитет государства может быть ограничен или самоограничен в своих проявлениях теми или иными внешними, либо внутренними причинами (в этом смысле можно говорить и об ограничениях в проявлении суверенитета самой России, примеров чему несть числа). Но это ничего не меняет в сущностной оценке суверенитета как качественного признака государства. Поэтому вызывают возражения не только попытки отнять у республики как у государства качество суверенитета, но даже и само понятие «ограниченный суверенитет» [15].

Известный отечественный политолог, профессор К.С. Гаджиев также отмечает: «Суверени-

тет – основополагающий критерий государства. Если нет суверенитета, то нет и государства. Суверенитет определяет само бытие государства» [16]. С этим выводом можно согласиться, когда речь идет о независимых государствах. Однако в отношении республик, входящих в состав Российской Федерации, столь категоричный вывод представляется спорным.

В период «парада суверенитетов» практически все республики в составе Российской Федерации (за исключением некоторых) приняли декларации о государственном суверенитете и устанавливающие суверенный статус конституционные нормы, юридическая сила которых закреплялась на федеральном уровне Федеративным договором 1992 года.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. большинство республик не спешили отменять декларации о государственном суверенитете. Некоторые из них в своих новых конституциях определяли себя суверенными, закрепляли положения о распространении государственного суверенитета республики на всю ее территорию. Во многих республиках Российской Федерации закрепилось юридическое верховенство их конституций по отношению к федеральной конституции. Например, Конституция Республики Башкортостан указывала на то, что «Республика Башкортостан есть суверенное демократическое правовое государство», которое обладает высшей властью на всей территории, самостоятельно определяет и проводит внутреннюю и внешнюю политику, принимает Конституцию Республики Башкортостан и республиканские законы, имеющие верховенство на всей ее территории (ст. 1). Государственный суверенитет Республики Башкортостан является ее неотъемлемым качественным состоянием и распространяется на всю ее территорию в пределах существующих границ (ч. 2, ст. 69).

В Конституции Республики Ингушетия также было зафиксировано, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Ингушетия является ее многонациональный народ» (ч. 1, ст. 4).

Согласно Конституции Республики Татарстан, государственный суверенитет является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан (ст. 1). Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (ст. 61) и т.д. Другими словами, в конституциях некоторых республик в первых же статьях при определении их государственно-правового статуса закреплялся их государственный суверенитет.

В конституциях республик подчеркивался национальный характер государственности. В некоторых из них были введены нормы, закрепляющие особую роль титульных национальностей.

Например, в ч. 1 ст. 60 Конституции Республики Бурятия указывается на то, что «Республика Бурятия образована в результате реализации права бурятской нации на самоопределение». Часть 4 этой же статьи устанавливает, что «решения на референдумах считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан республики, в том числе более половины лиц бурятской национальности, принявших участие в голосовании». Здесь необходимо обратить особое внимание на то, что данная статья противоречит пункту 1 ст. 3 этой же конституции, в которой говорится, что «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике Бурятия является ее многонациональный народ» [17].

Таких политико-правовых парадоксов достаточно много в конституциях других республик. Так, например, статья 3 Конституции Республики Коми гласила: «Коми народ – источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа в соответствии с международными нормами и принципами, действующими в отношении коренных народов» [17].

В ст. 69 Конституции Республики Башкортостан было записано: «Республика Башкортостан образована в результате права башкирской нации на самоопределение» [17].

Здесь, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на то, что состав населения этих республик – многонациональный и такие формулировки, конечно же, ущемляли права других национальностей. В соответствии с частью 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации, утверждающей принцип равноправия и самоопределения народов, государство есть результат реализации права на самоопределение всего многонационального народа, а не отдельного этноса этого народа. Отход от этого принципа может привести к большим негативным результатам. Например, реализация на практике статьи 1 Конституции Республики Тыва, в которой провозглашалось право республики на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума, могла бы привести к негативным последствиям. В Конституции России такого права выхода субъектов федерации нет. Эта статья противоречит ст. 5 Конституции Российской Федерации, хотя республики в Конституции России называются государствами, права сепарации они не имеют. Ст. 5 Конституции Российской Федерации гласит о самоопределении народов, но только в рамках Российской Федерации.

Право субъектов Федерации на выход из Союза впервые было закреплено в Договоре о создании СССР в 1922 г. И связано оно было с договорным характером образования СССР (республики добровольно вошли в Союз и сохрани-

ли за собой право на выход), а также с национальной, этнической природой субъектов советской Федерации. Они были образованы на основе права наций на самоопределение и сохраняли принадлежащий им национальный суверенитет. Положения о праве выхода союзных республик из состава СССР содержались во всех Конституциях СССР: 1924, 1936, 1977. Но в условиях советского тоталитарного общества осуществление этого права исключалось.

В современных конституциях федеративных государств, в том числе и образованных на основе союза, в которых это право признается (кроме Эфиопской 1994 г., в которой это право относится только к этносам), сецессия исключается, хотя в ряде случаев она осуществлялась. Происходило это и мирным, и вооруженным путем. Например, мирным путем вышел из Малайзии Сингапур (1965), вооруженным – Бангладеш из Пакистана (1973). Референдумы о выходе субъекта из состава федерации дважды проводились в Канаде (1985–1995), но соответствующие предложения большинства голосов избирателей не собрали. Такой же результат имел место на острове Невис в Федерации Сент-Кристофер и Невис в 1998 г., в этом же году – на острове Пуэрто-Рико в США (правда, последний является лишь ассоциированным штатом)[10, С. 10].

На рубеже 80–90-х годов XX века, в условиях распада СССР, была осуществлена мирная сецессия трех Прибалтийских республик – Латвии, Литвы, Эстонии (1991). В декабре 1991 г. на основании соглашения между руководителями трех союзных республик СССР (президентами РСФСР, Украины и председателем Верховного Совета Белоруссии) из СССР вышли Россия, Белоруссия и Украина, которые образовали Содружество Независимых Государств (СНГ).

В начале 90-х годов XX века была также осуществлена сецессия некоторых республик из состава Федеративной Югославии (Словения, Хорватия и др.). Чтобы удержать их, были применены военные действия, но это не спасло федерацию. Она распалась. Но две республики – Сербия и Черногория образовали новую федерацию в 1992 г. – Союзную Республику Югославию.

В 90-х годах XX века была осуществлена крупномасштабная вооруженная попытка сецессии Чеченской Республики из состава Российской Федерации, но она оказалась безуспешной. Сегодня использовать право сецессии из состава Республики Грузии пытаются осуществить Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. Таких примеров в мире на сегодняшний день достаточно много. С точки зрения теоретического подхода закрепление в конституции права сецессии демократично, но только при определенных условиях. Во-первых, это возможно, если федерация возникла на договорной основе как объединение независимых государств. В федерации, основанной на автономии, нет ни договорных, ни

исторических оснований для сецессии. Во-вторых, это возможно, когда федерация построена по национально-территориальному принципу. При осуществлении сецессии необходимо, на наш взгляд, учитывать множество факторов. И прежде всего исторические факторы, традиции федерализма в той или иной стране. Следует также учитывать интересы и права других субъектов федерации. В этом смысле прав профессор В.Д. Дзидзоев, который отмечает: «Выход одной республики из состава Российской Федерации затрагивает интересы всех остальных. Но право каждого народа на самоопределение – это право, и оно должно быть признано нашими законами. Если республике навязывают преднамеренно усложненные, а порой и просто невыносимые правила выхода из состава многонационального государства, то это уже ущемление ее суверенитета, ее законных прав. Сказанное особенно относится к тем народам, которые добровольно никогда не вступали в состав Российской империи. В федеративном государстве должны жить на добровольной основе равноправные народы, уважающие и ценящие друг друга»[18]. От себя добавим, что в этом случае, конечно же, не будет ни межнациональных конфликтов, ни межнациональных войн, которые в 90-е годы XX века загнали Российскую Федерацию в затяжной и глубокий кризис, из которого она изнурительно выходит до сих пор.

Необходимо отметить, что сецессия не может быть произвольным и целиком односторонним актом. Конечно же, народы (нации) имеют право на самоопределение, но сецессия – это крайняя и нежелательная мера. И если она угрожает национальной безопасности федеративного государства, то лучше не допускать этого.

Несоответствие некоторых положений конституции республик основным положениям федеральной конституции ставят остро вопрос о гарантиях равноправия всех субъектов Российской Федерации. Известно, что правовой статус республик гораздо выше, чем статус краев и областей. Считается, что различия в государственно-правовой природе и в статусе субъектов предопределены национальным фактором, источником их происхождения. Например, доктор политических наук, профессор Ф.Х. Мухаметшин отмечает: «В реальной жизни как национально-государственные, так и административно-территориальные образования, могут обладать и пользоваться примерно схожим набором полномочий. Но источник их происхождения различный. Для национальных республик таковым выступает государственный суверенитет как реализация исконного и неотчужденного права народов на свободное самоопределение. Национальные республики могут свободно распоряжаться своими правами, в том числе передавать при необходимости часть из них федеральным органам на основе двусторонних договоров и соглашений. Что ка-

сается краев и областей, то они не являются суверенными государственными образованиями. Государственным суверенитетом обладает Российская Федерация в целом. Поэтому все суверенные права сосредоточены у федеральных органов. Края и области – территориально-государственные образования, функционирующие на основе полномочий, переданных им федеральным Центром» [19]. Выходит, что народ национальной республики суверенен, он имеет значительно больше прав, чем народ края и области, хотя они находятся в составе единого федеративного государства. По этому поводу известный и признанный специалист по национальной политике профессор М.Н. Губогло писал, что «суверенизация действительно принесла юридически оформленные приоритеты некоторым титульным нациям, как, например, бурятам, чеченцам, этническая номенклатура которых открыто включила в тексты новейших конституций нормы о приоритетах для своей нации. Но приоритеты одним нациям одновременно означали дискриминацию в отношении остального населения» [20]. Данная точка зрения, которую разделяют и авторы этих строк, представляется более логичным, убедительным и обоснованным. Действительно, «приоритеты одним нациям» на практике означают «дискриминацию» другим, что, рано или поздно, ведет к межэтническому противостоянию и кризису, в том числе и в федеративном строительстве. Несмотря на то, что в каждой республике Российской Федерации существует конституционная норма, по которой государство гарантирует всем граж-

данам-россиянам равенство прав и свобод, независимо от национальности и языка, во многих республиках (например, Саха-Якутии, Татарстане, Башкортостане, Удмуртии, Тыве, Бурятии и др.) избранным главою государства (президентом) мог быть только гражданин, который владел бы двумя языками (титульной нации и русским).

Анализируя статьи республиканских конституций, в которых рассматриваются вопросы, связанные с использованием недр, воды, земли, растительного и животного мира, можно обнаружить несоответствия положениям федеральной конституции.

Большинство республик в своих конституциях землю, недра, воды, растительный и животный мир объявили собственностью народов, проживающих на территории республик (ст. 5 Конституции Республики Саха-Якутия; ст. 14 Конституции Республики Тыва; ст. 10 Конституции Республики Башкортостан; ст. 14 Республики Дагестан; ст. 9 Конституции Республики Татарстан и т.д.). Таковы некоторые несоответствия республиканских конституций положениям Основного Закона Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации 1993г. лишь частично ослабила противоречия, которые были связаны со статусом и объемом полномочий субъектов федерации. Возможность обострения борьбы за реализацию прав республик сохранилась, что было связано с ростом этнополитического самосознания во время осуществления экономических реформ, когда было выявлено их фактическое неравенство.

Литература

- 1. Фляйнер Т., Фляйнер А.Р.Б.** Федерализм, федеративные государства и децентрализация // Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа). (Под редакцией Р.Хакимова). – Казань, 2004. С. 11.
- 2. История политических учений** /Под. общ. ред. проф. О.В.Мартышина. – М., 2002. С. 209.
- 3. Цит. по: Политология: Энциклопедический словарь** /Общ.ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: 1993. С. 368.
- 4. Проблемы суверенитета в Российской Федерации.** – М.: 1994. С. 4.
- 5. Коркунов Н.М.** Лекции по общей теории права. – СПб., 1909. С. 241–246.
- 6. Федерализм.** Энциклопедический словарь. – М.: 1997. С. 247.
- 7. Laband P.** Deutsches Reichsstaatsrecht. Tubingen: Mohr, 1919. S. 21.
- 8. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование)** / Отв.ред. Б.Н.Топорнин. – М.: 2004. С. 43.
- 9. Яценко А.С.** Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1912. С. 328.
- 10. Чиркин В.Е.** Государственная власть субъекта федерации // Государство и право, 2000, №10. С.9.
- 11. Аринин А.Н.** Российский федерализм и гражданское общество. – М.: 1999, с.8.
- 12. Аринин А.Н., Марченко Г.В.** Уроки и проблемы становления российского федерализма. – М.: 1999. С. 60.
- 13. Умнова И.А.** Конституционные основы современного российского федерализма. – М., 2000. С. 103–104.
- 14. Кинг П.** Классифицирование Федераций // Полис, 2000. № 5. С. 14.
- 15. Железнов Б.А.** Укрепление федерализма, или тихая унитаризация? // Казанский федералист, 2002. № 2. С. 81.
- 16. Гаджиев К.С.** Введение в политическую науку. – М., 1997. С. 83.
- 17. Конституции республик в составе Российской Федерации.** – М., 1995.
- 18. Дзидзоев В.Д.** Национальные отношения на Кавказе. (Издание третье). – Владикавказ, 2000. С. 176.
- 19. Мухаметшин Ф.Х.** Российский федерализм: проблемы формирования федеративных отношений нового типа (политико-правовые аспекты) // Государство и право, 1994. № 3. С. 56.
- 20. Губогло М.Н.** Может ли двуглавый орел летать с одним крылом (размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений). – М., 2006. С. 144.